

ственность и чистоту Гермионы, мужественность и одиночество Драко. В фанфиках с «истинным пейрингом» происходит изменения характера и поведения центральных персонажей, их речи, отношений с другими персонажами, что является необходимым в условиях фанатского текста, поскольку канонные герои в силу свои убеждений и принципов не могли быть вместе. ОТР влияет на персонажную систему фандомов, кардинально изменяя характеры героев оригинального романа Роулинг. При этом в «шапке» фанфика не указывается ООС, хотя «внехарактерность» выражена ярко и, вероятно, является постоянным спутником «истинного пейринга» любого фанфика.

Литература

Книга фанфиков. [Электронный ресурс]. URL: <https://ficbook.net> (дата обращения 12.02.2019)

Hellekson K., Busse K. Work in Progress // Fan fiction and fan communities in the age of the Internet, ed. Busse K. and Hellekson K. McFarland. Jefferson, NC. 2006. P.5–32.

Fedorchuk M.A. One true pairing: features of functioning in fanfics

The article deals with the phenomenon of «true pairing» in fanfics with Hermione/Draco characters. In the description of appearance of characters the authors of the fanfiction follow the canon, but emphasize feminine and masculine characters. «True pairing» in most cases is closely associated with dramatic changes in the nature of the characters, entering into a relationship. Modifications being made to the speech of the characters and their relationships with other characters. It is necessary within the fan text to prove the fact of love affinity between initially feuding heroes.

Keywords: fanfiction, fanfics, fandom, one true pairing, ООС

Г. Е. Михайлов,

Челябинский государственный университет,

г. Челябинск, Россия,

научный руководитель А.С. Полушкин

Мифопоэтика романа Пера Улова Энквиста «Пятая зима магнетизера»

Аннотация: В статье рассматривается отражение различных составляющих классических мифологических систем в поэтике романа Пера Улова Энквиста «Пятая зима магнетизёра». Анализируются: 1) воплощение в образе главного героя романа архетипа умирающего и воскресающего бога; 2) отражение элементов обряда инициации в сюжетной структуре романа. Делаются выводы об обусловленности обращения автора к мифологическим системам общей идеей романа и его историческим фоном.

Ключевые слова: Пер Улов Энквист, шведская литература XX века, «Пятая зима магнетизёра», мифопоэтика, умирающий и воскресающий бог, инициация.

Пер Улов Энквист (Per Olov Enquist, р. 1934) – автор множества романов, пьес, рассказов и киносценариев, один из самых известных и титулованных шведских писателей современности. Все его романы насыщены библейскими аллюзиями, а в некоторых из них встречаются события сверхъестественные или ошибочно принимаемые за таковые. Эти особенности требуют от исследователя обращения к анализу мифопоэтического контекста роман.

«В современном значении термин [мифопоэтика] можно истолковать как исследование "проекций" мифа (мифологического сюжета, образа, мотива и т. д.) на произведение [Белокурова 2007: URL]. Также этим словом часто обозначают сами элементы мифической поэтики (мифологемы, архетипы, ритуалемы, мифологическое время и пространство и т.п.) в каком-либо художественном произведении.

Роман «Пятая зима магнетизёра» (Magnetisörens femte vinter, 1964) – первое значительное произведение Энквиста. Его действие разворачивается в конце XVIII века (на

излёте эпохи Просвещения). В центре повествования – магнетизёр и авантюрист Фридрих Мейснер (прототипом которого является основоположник учения, названного его именем, Франц Антон Месмер), чью жизнь можно рассматривать как перманентный конфликт с традиционной наукой и обществом в целом. Сторонник учения о животном магнетизме, в своей деятельности Мейснер опирается на собственный талант иллюзиониста и манипулятора. Он весьма циничен, не гнушается и откровенной лжи.

В книге содержатся многочисленные мифопоэтические элементы и, в первую очередь, архетипический образ умирающего и воскресающего бога и языческий обряд инициации, отражённый в сюжете романа.

Умиравший и воскресающий бог является архетипическим образом в мифах многих культур [Токарев 2008: 1013-1014]. Как правило, мифам о таких богах свойственна календарная семантика, т. е. смерть бога олицетворяет наступление зимы (зима может восприниматься как скорбь природы об умершем боге, например, так происходит в древнегреческом мифе о Персефоне, похищенной Аидом), а воскрешение – приход весны. Гибель бога происходит по различным причинам (схватка с чудовищем, гнев какого-то вышестоящего божества и т. п.).

В скандинавской мифологии (культурное пространство Скандинавии является родным для автора романа, уроженца посёлка Хьоггбёле на севере Швеции) также присутствует персонаж, являющийся умирающим и воскресающим богом, – это мудрый, смелый и светлый бог Бальдр [Токарев 2008: 132-133], один из юных богов-асов, сын Одина и Фригг. Согласно мифу, родители Бальдра, узнав о том, что тому суждено погибнуть, решают собрать со всякого существа, явления и вещи на земле клятву, что они не навредят богу. Клятва не была взята только с незаметной омелы (вечнозелёный кустарник, паразитирующий на деревьях). Злой Локи, узнав об этом, подсовывает слепому Хёду прут из растения и просит кинуть его в Бальдра. Бальдр погибает. С его смертью на Мидгард (мир людей) спускается апокалиптическая трёхлетняя зима Фимбулвинтер («великанская зима»), являющаяся предтечей конца света – Рагнарёка («рок богов»). В новом мире, заменившем погибший, Бальдр воскресает и примиряется с также ожившим Хёдом, своим невольным убийцей.

Между Бальдром (а также другими умирающими и воскресающими богами) и Мейснером, главным героем романа «Пятая зима магнетизёра», прослеживается ряд параллелей. Так, из самого названия романа следует, что в жизни главного героя есть место определённой календарной цикличности.

Основное действие романа происходит в городе Зеефонд во время зимы 1794 года, пятой из ряда таких зим. Из четырёх предыдущих зим (1773 год, Любек; 1777 год, Вена; 1778 год, Париж; 1793 год, неизвестное место), в романе подробно описаны лишь события зимы 1777 года (лечение слепой Марии Терезы фон Парадиз). О пребывании Мейснера в Любеке известно только то, что после суда он был оправдан. Из Парижа, который, по выражению самого Мейснера, «протух» (речь идёт, прежде всего, о пренебрежительном отношении к нему членов Академии и местного учёного мира в целом), магнетизёр уехал сам. О зиме 1793 года известно лишь то, что за ней последовал «весенний процесс, который больно по нему ударил» [Энквист 2000: 31]. Причинами этого, по-видимому, стали зимние события (точно так же 26 мая его вынудили уехать из Вены, в которую он прибыл 9 января).

Такой «распорядок» жизни соответствует социально-поведенческому типу авантюриста эпохи Просвещения, коим и является Мейснер. Многие из таких людей, например граф Калиостро, действительно постоянно переезжали из города в город примерно по тем же причинам, по каким это делал Мейснер [Строев 1998: 7]. Но в контексте нашего исследования смена мест пребывания приобретает ещё один смысл.

Каждая зима, во время которой магнетизёр разворачивает свою деятельность в очередном городе, заканчивается для него своего рода катастрофой, т. е. потерей влияния и доверия, что мы трактуем как смерть бога. Затем, после удачного завершения судебного процесса (Любек), самостоятельного или вынужденного отъезда (Париж и Вена, соответственно) следует воскрешение, возврат к делам с новыми силами (в деревнях летом

1793 года). Далее процесс достигает своей кульминации (февраль 1794 года в городе Зеефонде), после чего в деятельности магнетизёра обнаруживается слабое место (вскрывшийся 27 февраля 1794 года обман с «ребёнком» мадам Кайзер), и происходит неминуемый крах (суд в марте 1794 года). Несмотря на то, что суд над Мейснером начался в Зеефонде уже весной, мы можем считать его «мертвым» ещё с зимы, т. к. под умирающим и воскресающим богом нами понимается не столько личность магнетизёра, сколько его загадочная сила. Мейснер стал нуждаться в обмане – сила покинула его, но, возможно, лишь для того, чтобы снова вернуться уже летом 1794 года, ведь роман заканчивается словами: «Приговор ещё не огласили» [Энквист 2000: 146].

Нельзя не обратить внимания на ещё один аспект мифов об умирающих и воскресающих богах: «На поиски [попавшего в мир мёртвых] бога (или на помощь ему) уходит сестра, мать, жена, реже – сын или другой родич. Они находят бога, возвращают его в жилище или возрождают к жизни, при этом бог, один или с их помощью, убивает своего демонического противника...» [Токарев 2008: 1013-1014]. В мифе о Бальдре его брат Хремон спускается за богом в Хель (царство мёртвых), но подземная владычица, Хель, соглашается отпустить его лишь при условии, что всё в мире, живое и мёртвое, станет его оплакивать. Плачут всё, кроме великанши Тёкк, обличье которой принимает злобный Локи, и Бальдр остаётся в Хель.

В романе роль родичей бога исполняют бежавшие из чумного селения женщины (мать средних лет и умственно отсталая дочь лет семнадцати), бывшие спутницами Мейснера во время его путешествия в Зеефонд. Магнетизёр обращался с женщинами крайне цинично, а незадолго до приезда в Зеефонд оставил обеих в гостинице небольшого города, оплатив им, тем не менее, ночлег и стол на неделю вперёд. В жизни Мейснера они внезапно появляются вновь уже во время его заключения в зеефондской тюрьме. Мать навещает Мейснера в камере, говорит, что ей нужно только «быть здесь» [Энквист 2000: 141] и она просто подождёт, пока Мейснер «со всем этим разделается» [Энквист 2000: 141].

В контексте нашего исследования особенно важна уверенность женщины в победе Мейснера, что можно трактовать как уверенность язычника в воскрешении умершего бога. Часто присутствующий в таких мифах мотив возвращения бога к жизни «родичами» и их помощь ему в убийстве врага здесь следует понимать шире. Мейснер может снова вернуть силы и победить своих врагов не с помощью именно этих людей, но с помощью таких же, как они: легковверных, отчаявшихся, не имеющих иной опоры в жизни.

Инициацией [Токарев 2008: 446-447] называют переход индивида из одного статуса в другой (из числа детей в число взрослых, из непосвящённого человека в члены закрытого круга лиц и т. д.). Понятие обязательно включает в себя и ритуалы, оформляющие этот переход. Структура таких обрядов практически всегда трёхчастна: выделение индивида из общества, его выход из привычного пространства (часто позиционируется как временная смерть) – пограничное состояние индивида – возвращение индивида в общество в новом качестве (часто позиционируется как второе рождение). Обряды могут включать в себя испытания моральной и физической выносливости, вплоть до ритуальных издевательств. Отражением обряда инициации в «Пятой зиме магнетизёра» является начало романа – эпизод вынужденного пребывания главного героя в пещере, куда его загнали обманутые им крестьяне. В данном эпизоде находят своё отражение ритуальные испытания, и явно прослеживается трёхчастная структура обряда инициации [Токарев 2008: 446]. Перечислим его элементы, как они изображены в романе.

1) Прячущийся от преследователей Мейснер оказывается вне общества и вне привычного ему пространства.

2) Несколько дней Мейснер сидит в пещере, мучаясь от врезающихся в тело острых камней, жажды и голода, отбиваясь от пытающихся схватить его крестьян и размышляя о важных для себя вещах, заново взвешивая происходившие в своей жизни события. Так, Парацельс перестаёт быть для него абсолютным авторитетом. К Мейснеру приходит и осознание того, что иллюзиям, которые являются его главным инструментом, подвержен он

сам: «Когда я взбирался сюда [в пещеру], было почти совсем темно. Я потому и не боялся, что было темно» [Энквист 2000: 27]. Происходит переосмысление авторитетов и обновление жизни.

3) Измождённый крестьянской осадой Мейснер схвачен, но уже вскоре он сбегает, убедив сторожа, слабовольного человека по кличке Ткач, пойти с ним. Этот эпизод символизирует выход героя из пространства инициации и возвращение его в привычный мир в ином, духовно обновленном образе.

Подытоживая наш анализ, скажем, что обращение к мифу в романе Энквиста обусловлено следующими факторами.

1) Потребности сюжета: мифотворчеством занимается сам главный герой романа (манипуляция людьми посредством иллюзий, роспуск слухов о самом себе и т. д.), однако автору важно показать Мейснера не только как шарлатана и манипулятора, но и как «чудотворца нового времени», в облике которого просматриваются глубинные черты умирающего и воскресающего бога, и жизненный путь которого подчиняется цикличности чередования символических «смертей» и «воскресений».

2) Установка на воссоздание исторического контекста: картина мира даже образованного человека эпохи Просвещения была весьма мифологизирована (наиболее известный пример – утопические идеи просветителей об идеальном обществе, соотносящиеся с мифическим Золотым Веком). Духовная культура данной эпохи сочетала в себе рационализм с мистицизмом (следствие снижения авторитета церкви и роста материалистического сознания при сохранении у большинства людей религиозного чувства), что выражалось также в появлении множества авантюристов и основоположников альтернативных официальной науке учений, творящих каждый собственные мифы;

3) Мироззрение автора: Энквист склонен к постмодернистской игре с правдой и вымыслом в своих исторических романах (документально точная информация сочетается с «цитированием» вымышленных архивов, писем и т. д.) Это связано с его философскими воззрениями и скептическим отношением к исторической науке [Shideler: URL]. Т. е., по его мнению, даже самый объективный историк в какой-то мере занимается мифотворчеством, и тем более это относится к авторам художественных произведений на историческую тематику, так что миф был и остаётся важной частью нашего сознания.

В ходе анализа романа «Пятая зима магнетизёра» нами была продемонстрирована проекция на образ главного героя образа умирающего и воскресающего бога, а также разъяснён смысл названия романа с позиций мифопоэтики. Мы указали на эпизоды, интерпретируемые как отражение сюжетных мотивов мифов об умирающих и воскресающих богах, а также проследили параллели между образом главного героя и архетипическим образом умирающего и воскресающего бога, относящимся к интересующему нас типу божеств. Также был проанализирован эпизод пребывания главного героя в пещере и выявлено отражение в нём принципов языческих обрядов инициации.

Литература

Белокурова, С.П. Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс] // URL: <http://gramma.ru/LIT/?id=3.0> (просмотрено 28.02.2019).

Строев, А. «Те, кто поправляет фортуна». Авантюристы Просвещения [Текст] / А. Строев. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 400 с.

Токарев, С. А. Мифы народов мира [Текст] / С. А. Токарев. М., 2008. 1147 с.

Энквист, П. Пятая зима магнетизёра / Пер Улов Энквист, пер. со шведск. Ю. Яхниной // Иностранная литература. 2000. №11. С. 26-146.

Shideler, R. Per Olov Enquist: An Introduction // Book Review. URL: <http://www.swedishbookreview.com/2004-s.php> (viewed: 03. 05.2018).

Michaylov G. E. The mythopoetics of Per Olov Enquist's novel «The magnetist's fifth winter»

The paper focuses on some mythopoetic peculiarities of Per Olov Enquist's novel «The magnetist's fifth winter». The main character – Friedrich Meisner – is being considered as a fictional incarnation of a dying-and-rising deity (for example Baldr in Norse mythology). This article also analyses the plot structure of the novel in comparison with initiation rituals in primitive societies. In conclusion is revealed the co-relation between mythopoetic structure of the novel and its central idea and historical background.

Keywords: Per Olov Enquist, Swedish literature of XX century, mythopoesis, dying-and-rising deity, Initiatio

Е. С. Жиронкина,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
научный руководитель О.Н. Турышева

К проблеме визуальности в романе Дж. Литтелла «Благоволительницы»: фотография как элемент повествования

Аннотация: В статье анализируются функции образов, связанных с фотографированием и описанием фотографий, в романе Джонатана Литтелла «Благоволительницы». Включение в текст произведения фотографических образов не только обеспечивает роману фактографическую достоверность, но и выполняет важные функции – нарративную и характерологическую. Также установлено, что наличие фотографических образов связаны с изложением авторской философии смерти.

Ключевые слова: Джонатан Литтелл, «Благоволительницы», Холокост, фотографический экфрасис, нарратив

Современная литература, посвящённая событиям Холокоста, всё чаще предлагает особый тип повествования: в контексте изображения событий геноцида значимыми оказываются не только свидетельства жертв, но и палачей (в романах Р. Мерля, М. Турнье, Дж. Литтелла). Роман Джонатана Литтелла «Благоволительницы» предлагает именно такую оптику. Через свидетельства офицера СС Максимилиана Ауэ читатель наблюдает за уничтожением еврейского населения Украины. Исследователи отмечают, что для создания романа Литтеллом была проделана объёмная фактографическая работа, что помогло писателю придерживаться документальной точности в реконструкции событий, мест и лиц [см. Даниленко 2018].

Такие качества романа, как документализм и фактографическая описательность, достигаются благодаря включению в текст романа фотографических свидетельств.

Как утверждает французский исследователь Полин де Толозани, Максимилиан Ауэ занимает позицию «вуайериста» [Tolozany 2010: 199]. С её точки зрения, наличие фотографических образов в «Благоволительницах» характеризует взгляд героя-нарратора, его позицию в отношении описываемых событий. По мнению Антуана Югра, фотографические образы выполняют в романе описательную функцию [см. Jugra 2010]. Тем не менее, во французском литературоведении внимание к фотографиям и другим атрибутам визуального носит в основном эпизодический и вспомогательный характер. С нашей точки зрения, фотографические изображения в романе Литтелла выполняют не только описательную, но нарративную и характерологическую функции. Кроме того, фотография в романе маркирует танатологические смыслы, то есть обеспечивают изложение авторской философии смерти.

В европейской традиции XIX века фотографирования удостаивались преимущественно мёртвые люди. Происходила подмена: мёртвые изображались как живые (рядом с живыми людьми, с нарисованными поверх век глазами), живым приходилось быть статичными и неподвижными [см.: Васильева 2015]. С момента своего появления фотография была связана с миром мёртвых, но воспринималась она как способ преодоления